

Нуржан Хаджибиевна Емыкова¹

Мадина Михайловна Паштова²

Раиса Батмирзовна Унарокова³

Зарема Арсеновна Цеева⁴

¹ старший научный сотрудник отдела славяно-адыгских культурных связей, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева (385000, Майкоп, ул. Краснооктябрьская, 13)

E-mail: nurjan-emik@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0005-0860-4209>

² доктор филологических наук, старший преподаватель кафедры черкесского языка и культуры, Университет Эрджиес (Erciyes Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi, Ahmet El Biruni Caddesi No:91, 38280 Talas / Kayseri, Türkiye)

E-mail: mazako71@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0720-233X>

³ доктор филологических наук, профессор кафедры истории и культуры адыгов, Адыгейский государственный университет (385000, Майкоп, ул. Первомайская, 208)

E-mail: raya_unarokova@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8362-9944>

⁴ кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры адыгов, Адыгейский государственный университет (385000, Майкоп, ул. Первомайская, 208)

E-mail: zarema.tseeva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2528-9678>

ЧЕРКЕССКАЯ (АДЫГСКАЯ) ЛАНДШАФТНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И ТОПОНИМЫ В ТЕКСТАХ ФОЛЬКЛОРА И ВЕРНАКУЛЯРНЫХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ

Аннотация

В статье рассматриваются малоизученные в ономастике вопросы адыгской (черкесской) ландшафтной терминологии и фольклорного топонимикона. Впервые в адыгской лингвистике и фольклористике исследуется специфика функционирования географических терминов и топонимов в стереотипных устных текстах, в том числе в традиционном фольклоре и повседневных устно-речевых практиках. К анализу привлечены данные фольклорного подкорпуса адыгейского лингвистического корпуса, созданного в 2022 г. сотрудниками Адыгейского государственного университета: подкорпус включает как уже опубликованные материалы, так и полевые данные, собранные в местах компактного проживания адыгов (черкесов) в Республике Адыгея, Краснодарском крае и в среде черкесской диаспоры Турции. Широко

привлечены также материалы фольклорно-этнографических архивов Республики Адыгея и сведения, извлеченные из личных архивов и полевых записей. На этой основе авторами выявляются базовые модели образования и функционирования терминов и топонимов — как в контексте комплексного исследования фольклорного ландшафта, так и в связи с реальными географическими объектами и культурным контекстом. Главное внимание уделено лексемам, которые встречаются на территории исторической Черкесии наиболее часто: *пс(ы)* ‘вода’, ‘река’, *хы* ‘море’; *кьо / кьуз* ‘балка’, ‘овраг’, ‘речка’, *бгы* ‘холм’, ‘гора’, ‘вершина’, ‘хребет’, ‘круча’, ‘обрыв’, *кьушьхьэ / кьуцхьэ* ‘гора’, *тхы* ‘возвышенность’, ‘хребет’, ‘гребень горы’, *Луаишьхьэ / Луацхьэ* ‘курган’, ‘холм’; *хэку* ‘область’, ‘родина, отечество’, ‘край’, ‘страна’, ‘государство’. Методом корпусного исследования и дискурс-анализа рассматриваются формы репрезентации как реальных, так и мифических ландшафтных объектов в эпических текстах и речевых практиках. Выявляется продуктивность функционирования топонимов и устанавливается их семантика методом сопоставления сведений из ранних лексикографических источников и новых архивных и полевых материалов. Показано, как в новых языковых условиях (в исследуемом случае — места компактного проживания черкесов диаспоры в Центральной Анатолии) сформировавшаяся неофициальная карта местности функционирует параллельно с административной турецкоязычной. Фиксируемая в фольклорно-речевом дискурсе диаспоры ландшафтная терминология отличается частотностью употребления некоторых единиц в зависимости от наличия / отсутствия тех или иных географических объектов.

Ключевые слова: историческая Черкесия; черкесская диаспора в Турции; адыгский (черкесский) язык; географическая терминология; топонимия; фольклорный топонимикон; адыгейский лингвистический корпус

Для цитирования

Емыкова Н. Х., Папштова М. М., Унарокова Р. Б., Цеева З. А. Черкесская (адыгская) ландшафтная терминология и топонимы в текстах фольклора и вернакулярных речевых практиках // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 131–151. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.006

Рукопись поступила в редакцию 13.10.2023

Рукопись принята к печати 18.12.2023

Nurzhan Khadzhibievna EMYKOVA¹

Madina Mikhailovna PASHTOVA²

Raisa Batmirzovna UNAROKOVA³

Zarema Arsenovna TSEEVA⁴

¹Senior Research Fellow, Department of Slavic-Adyghe Cultural Connections, Tembot Kerashev Adyghe Institute for Humanities (13, Krasnooktyabrskaya St., 385000 Maykop, Russia)

E-mail: nurjan-emik@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0005-0860-4209>

²DrHab, Senior Lecturer, Department of Circassian Language and Culture, Erciyes University (91, Ahmet El Biruni St., 38280 Talas / Kayseri, Turkey)

E-mail: mazako71@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0720-233X>

³DrHab, Professor, Department of Adyghe History and Culture, Adyghe State University (208, Pervomayskaya St., 385000 Maykop, Russia)

E-mail: raya_unarokova@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8362-9944>

⁴ PhD, Associate Professor, Department of Adyghe History and Culture, Adyghe State University (208, Pervomayskaya St., 385000 Maykop, Russia)

E-mail: zarema.tseeva@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2528-9678>

CIRCISSIAN (ADYGHE) LANDSCAPE TERMINOLOGY AND TOPONYMY IN FOLKLORE TEXTS AND VERNACULAR COMMUNICATION

Abstract

The article explores Adyghe (Circassian) landscape terminology and folklore toponymy, areas that have received limited attention in onomastics. It presents a pioneering analysis within Adyghe linguistics and folklore research, examining the peculiarities of geographical terms and toponyms in stereotypical oral texts, including traditional folklore and everyday speech practices. The study is based on data from the folklore subcorpus of the Adyghe linguistic corpus, compiled in 2022 by Adyghe State University researchers, comprising published materials and field data collected from Adyghe (Circassian) communities in the Republic of Adygea, Krasnodar Region, and the Circassian diaspora in Turkey. Additionally, materials from folklore and ethnographic archives of the Republic of Adygea, along with information extracted from personal archives and field records, are analysed. Based on this data, the authors identify fundamental models governing the formation and usage of terms and toponyms, both within the context of folklore landscape studies and in relation to real geographical features and cultural settings. The focus is primarily on lexemes commonly encountered in historical Circassia, such as *ps(y)* 'water, river,' *xy* 'sea, gully,' *ko/kue* 'ravine, river,' *bgy* 'hill, mountain, peak, ridge, steep, cliff,' *kushxe/kushhx'e* 'mountain,' *tyx* 'elevation, ridge, crest of the mountain,' *Iuashxe/Iuashhx'e* 'mound, hill,' and *xe'ku* 'region, homeland, fatherland, edge, country, state'. Through corpus research and discourse analysis methods, the study examines the representation of both real and mythical landscape objects in epic texts and speech practices. The productivity of toponyms' usage and their semantics are established by comparing data from early lexicographic sources with new archival and field materials. The article also illustrates how, in new linguistic contexts, such as the Circassian diaspora in Central Anatolia, the unofficial local map coexists with the administrative Turkish-language map, showcasing differences in landscape terminology frequency based on the presence or absence of specific geographical features.

Keywords: historical Circassia; Circassian diaspora in Turkey; Adyghe (Circassian) language; geographical terminology; toponymy; folklore toponymy; Adyghe linguistic corpus

For citation

Emykova, N. Kh., Pashtova, M. M., Unarokova, R. B., & Tseeva, Z. A. (2024). Circassian (Adyghe) Landscape Terminology and Toponymy in Folklore Texts and Vernacular Communication. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 131–151. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.006

Received on 13 October 2023

Accepted on 18 December 2023

Введение

Адыги (черкесы) — автохтонный народ Северо-Западного Кавказа, с древнейших времен населявший земли, прилегающие к Черному и Азовскому (Меотскому) морям и предгорьям Главного Кавказского хребта.

В течение веков границы территории проживания адыгов менялись. Так, к XIX в. земли исторической Черкесии¹ занимали почти всю западную часть Северного Кавказа и простирались от побережья Черного моря, от Тамани и устья р. Кубани на западе, до Терека на востоке; на севере граница проходила по правому берегу Кубани, на юге регион имел общую границу с Абхазией [Хотко 2015].

Черкесия делилась на восточную, или «верхнюю» по течению р. Кубань, часть (*Шъхъагъ*), куда входили Большая Кабарда, Малая Кабарда и Бесленей, и западную, или «нижнюю», часть (*КIахэ*), куда входили округа Абдзехия, Бесленей, Бжедугия, Натухай, Темиргой, Хатукай, Шапсугия и др. Деление Черкесии на западную и восточную части практически отражало и языковые особенности адыгского мира, где использовались два основных наречия адыгского (черкесского) языка: на востоке — кабардинское, на западе — западно-адыгское (кяхское)². Оба наречия и поныне насчитывают десятки диалектов и говоров, в том числе в среде многочисленной зарубежной диаспоры³. Они же лежат в основе двух литературных вариантов, за которыми в отечественной лингвистике начиная с советского периода установились названия *адыгейский язык* и *кабардино-черкесский язык*⁴.

В настоящее время на территории РФ адыги проживают в основном в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Туапсинском, Лазаревском и Успенском районах Краснодарского края, в Моздокском районе Северной Осетии и Курском районе Ставропольского края.

¹ Под исторической Черкесией понимается территория расселения адыгов до начала основных событий Кавказской войны, кардинальным образом изменившей этническую картину Северо-Западного и Центрального Кавказа.

² Исключением из этой достаточно стройной картины является группа бесленеевцев, говорившая на одном из диалектов кабардино-черкесского языка, но проживавшая на Западном Кавказе, куда она передвинулась с территории Кабарды.

³ Черкесская (адыгская) диаспора, составляющая, по разным оценкам, 80–90 % от общей численности этноса, в основном рассредоточена в Турции, странах Ближнего Востока, Европе и США. История ее формирования как структурированного сообщества с ясно выраженной идентичностью отсылает к событиям середины XIX в. — окончанию Кавказской войны и выселению черкесов на территорию Османской империи.

⁴ В работах зарубежных авторов и в ряде современных отечественных исследований употребительно обозначение *черкесский язык*, в котором объединены оба литературных наречия [Топчу (Папшу) 2017; Паштова 2020].

Территория исторической Черкесии уникальна по своему ландшафтному разнообразию: лиманы, болота и острова в низовьях Кубани, морское побережье, лесистые предгорья, снежные вершины, изрезанные глубокими ущельями, котловины, равнины в нижнем течении горных рек и пр. Разнообразие ландшафта, богатство флоры и фауны нашли отражение в хорошо разработанной народной географической терминологии, которая до сих пор остается недостаточно изученной.

История изучения вопроса

Первые шаги по исследованию народной географической терминологии Черкесии предприняли еще в XIX в. Ш. Б. Ногмов [Ногма 1956; Ногмов 1994], Л. Я. Люлье [1846; 1857], Л. Г. Лопатинский [1890; 1891], составившие первые двуязычные русско-адыгские и адыго-русские словари, куда вошли основные географические термины адыгского языка. К. Ф. Ган [1909] специально работал с топонимами Кавказа с целью объяснения их этимологии.

Словари названных авторов имеют большую ценность для решения самых разных вопросов адыгской лингвистики. Составленные более ста лет назад, они сохранили целый ряд устаревших слов, которые помогают установить смысл многих географических названий, вышедших ныне из активного употребления. Нужно отметить, однако, что в словарях XIX в. представлен большой пласт адыгских географических терминов, калькированных с русского языка. Это связано с тем, что в основу словарей был положен русский словарь, т. е. они разрабатывались путем перевода русских слов на адыгский язык. Такой метод работы привел к тому, что вне словаря оказались многие специфические для адыгского языка географические термины.

Процесс фиксации топонимической терминологии продолжился в XX в. — после создания адыгской письменности и грамматики. На этой основе были составлены новые адыго-русские и русско-адыгские словари, собравшие большое количество адыгской лексики, в том числе географической терминологии.

В 1941 г. вышла в свет «Грамматика адыгейского литературного языка» Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа, а в 1948 г. — «Грамматика литературного кабардино-черкесского языка» Н. Ф. Яковлева; в этих работах [Яковлев, Ашхамаф 1941; Яковлев 1948] уделено внимание происхождению некоторых топонимов. Так, Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф, рассматривая общие корни в кавказских языках, приводят в качестве примера слово *кьо* ‘балка’, ‘ущелье’, ‘русло реки’, которое, кроме адыгского, встречается в грузинском и абхазском языках. В пояснении к этому слову авторы отмечают название

р. *Мияко* (совр. *Майкопка*): «*Мыякъо* — река Мияко, букв. “Яблонева река”, откуда название г. Майкопа: *Мыекъуапэ*, букв. “Устье Яблоневои реки”» [Яковлев, Ашхамаф 1941: 240]. Тем самым впервые в научной литературе был зафиксирован правильный перевод значения всех компонентов топонима *Мыекъуапэ* (*Майкоп*).

В 1957 г. З. И. Керашева опубликовала монографию «Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка» с приложением словаря, в котором зафиксировано около тысячи слов, в том числе большое количество топонимов и географических терминов, наиболее характерных для идиома причерноморских шапсугов [Керашева 1957].

Вышедшие в то же время «Кабардино-русский словарь» [КБС], «Толковый словарь адыгейского языка» [ТСАЯ] и «Русско-адыгейский словарь» [РАС] также отразили целый ряд топонимических терминов. Однако, как и раньше, многие термины не вошли в названные словари, в ряде случаев не учитывались значения слов, бытующих в фольклорно-речевом дискурсе. Кроме того, при составлении названных работ не были использованы материалы первых адыгских словарей, созданных Ш. Б. Ногмовым, Л. Я. Люлье и Л. Г. Лопатинским, как «не отвечающих требованиям времени».

Адыгская топонимия в целом и географическая терминология в частности впервые стали объектом изучения в 1960–1970-е гг. в трудах Дж. Н. Кокова. В монографии «Адыгская (черкесская) топонимия» он представил перечень топонимических терминов из 186 единиц. В него вошли не все термины, «а лишь те, которые, насколько удалось выявить, участвуют в образовании топонимов» [Коков 1974: 18]. Ценным явилось то, что в перечне параллельно были представлены оба наречия — и западно-черкесские (адыгейские), и кабардино-черкесские словоформы. Это позволило констатировать, что «половина состава топонимических терминов является общеадыгской» [Там же: 32] — к ней относятся термины, указывающие на важнейшие реалии: *бгы* ‘гора’, *псы* ‘вода’, *псын(э)* ‘родник’, *мэз* ‘лес’, *тхы* ‘хребет’, *шхъэ / цхъэ* ‘голова’ (‘верх’), *къуадж / къуажэ* ‘общество’ (‘селение, аул’) и др. [Там же].

Представленный материал позволил сделать Дж. Н. Кокову важный вывод о том, что сформировавшаяся в результате длительного исторического развития «адыгская топонимическая терминология, в отличие от собственно топонимии, характеризуется относительной однородностью по языковой принадлежности, хотя имеет известную долю заимствований» из древнетюркских, древнеиранских и арабского языков [Там же: 17, 32]. Исследователь отметил, что «подавляющее большинство адыгских топонимов — сложные и составные образования», поэтому «топонимические термины редко выступают “единолично”, образуя собственное название» [Там же: 16]. В тех редких случаях,

когда в основе топонима лежит термин, он, «как правило, снабжен суффиксом *-жъ/-жь* ‘старый’, ‘большой’ (*Къалэжь* ‘Старое укрепление’, *Псыжь* ‘Старая большая река’ и т. п.)» [Коков 1974: 16; см. также: Коков 1960; 1966; 1983].

Работы Дж. Н. Кокова представляют собой большой вклад в изучение общих проблем адыгской топонимии и географической терминологии, до сих пор оставаясь единственными и основополагающими в этом направлении. Материалы Кокова также задают перспективу сбора материала и его исследования с точки зрения локальных речевых практик.

В изучении адыгской топонимии Северо-Западного Кавказа отдельное место занимают исследования и топонимические словари К. Х. Меретукова. В результате систематического сбора им зафиксированы названия тысяч географических объектов не только в Республике Адыгея, но и в шапсугских аулах Причерноморья и других адыгских населенных пунктах Краснодарского края [Меретуков 1981; 1990; 2003].

В 2007 г. вышла книга грузинского исследователя С. Н. Джанашиа «Черкесские дневники», куда включены переведенные на русский язык уникальные лингвистические и этнографические материалы, собранные автором в 1929 г. во время двух экспедиций в Адыгейской автономной области, Шапсугском районе Черноморской области и Кабардино-Балкарии [Джанашиа 2007]. Материалы Джанашиа, в которых актуализированы в том числе микролокальные варианты лексем, явились ценным источником для понимания и уточнения значений некоторых терминов, не учтенных предыдущим лексикографическим опытом.

В адыгской (черкесской) топонимии присутствует большой слой общих абазино-абхазо-адыго-убыхских топонимических терминов и иных элементов, образовавшихся в зонах контактирования адыгских субэтнических групп с родственными абазинами, абхазами и убыхами. Многие названия свидетельствуют о былом широком взаимопроникновении в области топонимической лексики или восходят к периоду абхазо-адыгского языкового единства. Степень изученности топонимии на всех языках этих родственных народов пока не позволяет глубоко проникнуть в вопрос и отследить все имеющиеся точки соприкосновения, но первые шаги в этом направлении уже сделаны [Ионова 1993; Берсиров, Берсирова 2018].

Значительным вкладом в развитие ономастики региона стал основанный Р. Ю. Намитковой Координационный центр по изучению региональной ономастики Северного Кавказа, на базе которого с 1998 г. раз в два года проводилась международная научная конференция «Проблемы общей и региональной ономастики». По итогам работы конференции издано 13 сборников материалов (1998–2023).

Международные научные «намитоковские» конференции стали стартовой площадкой для исследований по указанной тематике, в том числе для работ молодых ученых. Так, на конференции 2010 г. одним из авторов этой статьи (Н. Е.) была заявлена тема «Фольклор и историческая топонимика», в рамках которой были подняты вопросы изучения исторической адыгской топонимии с привлечением данных фольклора, мифологии, географии, истории и археологии. В дальнейшем междисциплинарный подход при изучении адыгских географических названий, сохранившихся в фольклоре, с уточнением их локализации и привлечением русских военных документов и карт XIX в., разрабатывался в ряде работ автора и нашел обобщение в труде под названием «Историческая топонимия Западной Черкесии. По материалам русских источников XVIII–XIX вв. Часть первая. Абадзехия» [Емыкова 2021]. Также в течение нескольких лет аспиранты факультета адыгейской филологии и культуры Адыгейского государственного университета под руководством другого автора этой статьи (Р. У.) занимались вопросами адыгской ономастики — в частности, изучалась специфика отражения онимов, в том числе и топонимов, в фольклорных текстах [Унарокова Р., Унарокова Ф. 2016].

После создания фольклорного подкорпуса, введенного в 2022 г. в Адыгейский корпус [АК], появилась возможность использования корпусных методов при поиске интересующей нас ландшафтной лексики и архаичных топонимов, зафиксированных в фольклорных текстах. В настоящее время эта работа только начинается, но уже сейчас, по первым результатам, можно говорить о том, что использование корпусных методов и данных может значительно расширить количество и качество материала, привлекаемого для создания лексикографической базы адыгской (черкесской) ландшафтной терминологии, уточнения значения многих терминов. Наряду с корпусным в данном исследовании применены сравнительно-сопоставительный и дискурсивный методы.

Материал и источники

Как отмечает историк В. П. Кобычев, каждый народ, проживая на той или иной территории, дает свои названия различным географическим объектам «и тем самым как бы оставляет на ней свой автограф, свой след». Появившиеся однажды географические названия «передаются из поколения в поколение, сохраняясь даже в тех случаях, когда давший их народ ушел из этой местности или же вовсе исчез с лица земли». В таких случаях «топонимия представляет собой один из достоверных исторических источников, который, если его

правильно прочитать, может дать ключ к разгадке многих тайн прошлого» [Кобычев 1973: 50].

Важнейшим «строительным материалом» при создании топонимов являются географические термины, которые в значительной мере определяют «лицо» топонимии любого языка [см.: Коков 1974: 15]. Выявление и изучение местных географических терминов играет исключительно важную роль в изучении адыгской (черкесской) исторической топонимии, сохранившейся в русских документах XIX в. Часто термин выступает ключевым словом названия, позволяющим восстановить его исконную адыгскую форму, определить его происхождение и смысл.

В рамках исследований по исторической топонимии округов исторической Черкесии одним из авторов настоящей статьи (Н. Е.) было собрано и систематизировано более 500 адыгских географических терминов, которые увидели свет в упомянутом выше издании [Емыкова 2021]. Из них к данной работе нами привлечены термины, наиболее продуктивно функционирующие в адыгском фольклоре, в том числе такие, которые представлены в фольклорном подкорпусе [АК]. Наряду с фольклорными текстами, использованы данные современного живого адыгского языка, в отдельных случаях — в сравнении с абазинской и абхазской географической терминологией; широко привлечены письменные и картографические источники, в том числе архивные (материалы фольклорно-этнографических архивов Республики Адыгея, Российского военно-исторического архива), а также сведения, извлеченные из личных архивов, словарей и полевых записей. Собранный массив исторических топонимов позволил выявить значительный пласт лексем, активно использовавшихся в прошлом при образовании адыгских (черкесских) географических названий, и шире, чем ранее, представить адыгскую ландшафтную терминологию. При поиске, выявлении и установлении значений топонимов и ландшафтных лексем важнейшим источником явились адыгские (черкесские) словари XIX в., которые содержат архаичные слова и словоформы, не учтенные в более поздней лексикографической практике. В процессе сбора и интерпретации географических терминов и топонимов мы опирались на упомянутые выше исследования Дж. Н. Кокова, К. Х. Меретукова, З. И. Керашевой, С. Х. Ионовой и др.

Одной из попутных задач изучения топонимического лексикона является установление того, какие из терминов являются общеадыгскими, а какие — только западно-адыгскими или восточно-адыгскими (кабардинскими). Чаще всего эти различия «в известной мере условны, потому что западно-адыгский термин может быть известен и в кабардинском языке, но как архаичный или редко употребляемый, и наоборот» [Коков 1974: 18].

Основная дискуссия

Адыгская ландшафтная терминология, исследуемая в настоящей работе, представлена разнообразным материалом. В основном в него вошли элементы, которые наиболее часто использовались при образовании топонимов по всей исторической Черкесии.

Самым продуктивным элементом в адыгской ландшафтной терминологии является лексема *пс(ы)* ‘вода’, ‘река’, имеющая также архаичную форму *пш / пщ*, которая чаще всего встречается в горной части Западного Кавказа и Черноморского побережья [Кумахова 1972: 213–214]. В адыгском названии р. Кубани отражены обе формы: каб. *Псыжъ* и зап.-черк. *Пшыз* ‘большая вода (река)’. Собранный материал по адыгской исторической топонимии, зафиксированной в русских источниках XVIII–XIX вв. с большими искажениями, не позволяет пока сделать точные выводы о том, в каких местах и в каких ситуациях чаще применялся архаичный вариант, но, во всяком случае, термин распространен за пределами исторической Черкесии, в Абхазии и Западной Грузии, ср. убых. *бз* ‘вода’, абх.-абаз. *дз* ‘вода’.

В адыгском языке на основе лексемы *пс(ы)* ‘вода’, ‘река’ образовано множество гидронимических терминов. Вот наиболее распространенные из них: *псыархъуан* ‘водоворот’; *псыбэ* ‘многоводье’; каб.-черк. *псыбэкъу* ‘русло реки’; *псыгу* букв. «середина воды», шапс. ‘остров’; *псыгуанэ* ‘озеро’; *псыгуэч* шапс. ‘рукав реки’ (ср. тем. *псыкьуэс*); *псыгъэхъун* ‘остров’; *псыдэуанIэ* каб. ‘залив’; *псыдэчъ / псыдэж* зап.-черк. ‘протока’, каб. ‘пролив’; *псыжъ* зап.-черк. ‘болото’, ‘топь’, ‘топкое место’; каб.-черк. *псыкьельэ, псыкьенкIэ* ‘водопад’; зап.-черк. *псыкьэфэх* ‘падающая вода’, ‘водопад’; *псыкьул* ‘приток реки’; шапс. *псыкьуалэ* ‘ручеек, приток’; *псыклантIэ* каб. ‘маленький ручей’, ‘ручеек’; *псыкIэ* ‘низовье (реки)’, каб. ‘низовье реки’, ‘конец потока’; *псыкIэй* ‘водная долина’, ‘низина’; *псылъакъу* ‘подводный поток’; *псылъахъэ* шапс. ‘водоворот’; *псылъэ* ‘водное место’, ‘болотистое место’, ‘топь’; *псынэ* зап.-черк. ‘колодец’, каб.-черк. ‘родник’, ‘источник’, ‘ключ’, ‘колодец’; *псытцIэ* ‘вода черная’, ‘топь’, ‘стоячая вода’, ‘болото’, ‘трясина’; *псынэ* зап.-черк. ‘устье реки’, ‘первые воды потока, исток’, ‘начало потока’, каб.-черк. ‘начало потока’; *псырыкI* ‘за рекой’, ‘заречный’; *псыхэ* ‘низовье реки’; *псыхъу / псыхъуэ* ‘река’, ‘долина реки’, ‘русло’⁵; *псыхъурай* ‘озеро’,

⁵ Термин *псыхъу / псыхъуэ*, используемый в основном значении ‘речная долина’, в определенном контексте может пониматься и как ‘община’. В повседневных речевых практиках употребительны, например, выражения такого типа: *Мы дпсыхъуэ ирехым апхуэдэлI дэскъым* «Во всей нашей нисходящей долине [общине] такого человека не найдешь».

каб.-черк. *псыхъурей* ‘пруд’, ‘водоем’; *псышъхъэ* / *псыцхъэ* ‘верховье реки’; *псылэрыщ* / *псылэрышэ* ‘руководная река (арык)’ и др.

Черкесский фольклорный ландшафт (как и диалектная карта) структурируется вокруг двух больших рек — Кубани и Терека. В текстах нартского эпоса и лирико-героических циклах упоминаются три эпические реки: Волга — *Индыл*, Дон — *Тен(э)*, Кубань — *Псыжьэ* / *Пшызэ*. Упоминание реки со свойственной эпическому тексту эпитетацией и гиперболизацией подчинено образостроению героя: «старая», «грозная», «непроходимая» река — это часть преград, которые преодолевает герой при совершении своих подвигов: «Индылым ынэр кыщэклы, зэпрэклышь гъэрхэр къещэжьбы» <Индыля глаза навикате (в значении «река разлилась». — *Прим. авт.*), переправляется [герой] и пленников вызволяет>; «Нарты ишъогу имыса, Тенэ кырыгуаза...» <В [стране] Нартии равных ему нет, по Тену ориентируясь [движется]>; «Пшызаклэ икли Пшызашъхъэ нарт Темырыкъо клозэ...» <От низовья Пшиза к верховью Пшиза нарт Темырыко движется> [АК].

Структурирование социального пространства вокруг реки — или, точнее сказать, по ее течению — придает понятию *ипшъэ* ‘верховье’ значение статусности и престижности: выше по течению селились представители благородных сословий, соответственно, ниже (*ихэкIэ*) — семьи из зависимых сословий.

Что происходит в фольклорно-языковой картине мира со сменой ландшафта, как, например, в случае с зарубежными черкесскими анклавами, образовавшимися в середине XIX в. на территории Османской империи? На примере одного из них (анклав Узун-Яйла, Центральная Анатолия) мы можем сказать, что здесь такой важный, семиотически высокостатусный объект фольклорного ландшафта, как река, в устном тексте несколько редуцирован, частотность употребления гидронимов в фольклорном дискурсе заметно ниже. Однако описанные выше семиотические оппозиции *ипшъэ* — *икIэ*, *ипшъэ* — *ихэ* по-прежнему структурируют социальное пространство селений. При этом понятие *ипшъэ* ‘верховье, юг’ теперь ассоциировано не столько с течением реки, сколько с расположением сельских родников, точнее сказать — с символическим «социальным центром» села, связанным, как правило, с источником воды. Отсутствие в новом природном ландшафте лесов и глубоких рек несколько сужает и пространство обитания демонических персонажей. «Характерные локусы северокавказского ландшафта — лесная чаща, водоворот, место под речными водорослями, заливы, глубокие овраги — для анатолийского ландшафта и, следовательно, местных нарративов менее характерны. В качестве локусов обитания мифологических персонажей или мест встречи с ними чаще упоминаются камень или родник» [Паштова 2020: 95].

Еще один гидронимический термин, распространенный по всей исторической Черкесии, — *кьо / кьэ* ‘балка’, ‘овраг’ [СКЧЯ: 471, 480], зап.-черк. ‘долина’, ‘речка’, каб. ‘балка’, ‘овраг’, ‘речка’ [Коков 1974: 22]. С помощью *кьо / кьэ* образуются в основном названия множества горных речек по всей исторической Черкесии: *Къамылыкьо* ‘Камышковая балка’, *Мыекьо* ‘Яблонева балка’, *Мыжъокьо / Мывэкьэ* ‘Каменистая балка’, *Мышьэкьо / Мыщэкьэ* ‘Медвежья балка’, *Пцелькьо / Дзэлыкьэ* ‘Ивовая балка’, *Цундыкьо / Вындыкьэ* ‘Воронова балка’ и др. На основе *кьо / кьэ* ‘балка’, ‘овраг’ образованы многие термины: *кьодыдж / кьэдыдж* ‘узкий глубокий овраг’, ‘балка’, ‘ущелье’, ‘пропасть’; *кьодэгь / кьэдэгь* ‘глухая балка’, ‘глубокий овраг’; *кьозэжьэ / кьэзэжэ* ‘узкое (тесное) ущелье’, ‘балка’, ‘теснина’; *кьуладжэ / кьэладжэ* ‘русло’ и др.

Высокую продуктивность в адыгской топонимии имеет также архаичный гидронимический термин *хы* ‘море’, на основе которого образованы названия *Хы шлуцI / Хы фьыцI* ‘Черное море’, *ХымыутI* ‘Азовское море’, *Хы тьуалэ* ‘Керченский пролив’, *Хы тьуакI* ‘Таманский полуостров’ и др.

С помощью *хы* образованы многие «морские» термины: *хыблыгу* ‘бухта’; *хыгу* ‘середина моря’; *хыгьуапэ* шапс. (букв. «морской рукав») ‘залив, бухта’; *хыгьэхьун* ‘остров’; *хыжьэ* каб. ‘залив’; *хыпшьапI* (букв. «воротник моря») ‘верховье моря’; *хырыкI* ‘за морем’; *хылу* ‘морской порт; морская пристань’; *хыкъум* ‘озеро’, ‘лиман’ и др. В толковые словари не вошли следующие сохранившиеся в фольклорных текстах морские термины: *хыжьый* (букв. «маленькое море») ‘озеро’; *хызэ* букв. «поворот, изгиб моря»; *хыкъопс* (букв. «ответвление моря») ‘рукав’; *хыкьуапэ* букв. «угол моря»; *хыпэ* ‘морской мыс’ и др.

Исследователи адыгского языка в своих этимологических изысканиях понятие *хэку* ‘родина’, ‘край’, ‘страна’, ‘отчизна’ связывают с *хы* ‘море’. В первом компоненте они видят *хэ* ‘море’, а во втором — *ку / куы* ‘середина’ (букв. «середина моря», ‘остров’) и считают тем самым, что родной край адыги связывали с островом, находящимся в море. Вспомним, что предки адыгов с древних времен обитали на восточном побережье Черного и Азовского морей [Шагиров 2: 98; Керашева 1995: 84].

Оронимические термины в адыгском языке отражают все виды горного ландшафта. Важнейшим из них является термин *бгы*, известный в значениях ‘возвышение’, ‘холм’, ‘гора’, ‘вершина’, ‘гора средней величины’, ‘хребет’, ‘круча’, ‘обрыв’. Слово *бгы* — один из общих адыго-убыхо-абхазо-абазинских топонимических терминов, ср. убых. *бгьы* ‘вершина’, ‘верх’ [Берсиров, Берсирова 2018: 38]; абх. *абгэ* ‘устар. гора’ [Кварчия 2006: 28]; абаз. *бхьвы* ‘скала, гора’ [Ионова 1993: 9]. На основе этого слова образованы многие другие оронимические термины: *бгыльэ* ‘холмистая местность’, *бгыпэ* ‘край или уступ горы, возвышенности’; *бгыуан* ‘седловина горы’; *бгыцакI* ‘утес’;

бгычIэ ‘подножье холма, горы’; *бгышъхъэ* ‘поверхность возвышения, холма’, ‘горная вершина’ и др.; *бжъап* / *бжъэпэ* ‘возвышенность’, ‘пригорок’, каб.-черк. ‘обрыв’, ‘круча’, ‘край чего-л.’, ‘выступ возвышенности’, ‘взгорье’. Наибольшее распространение термин имеет в топонимии Западной Черкесии, ср. *Бжъэпэ мэкъупI* ‘Сенокосный луг на пригорке’, *Бжъэпэжъ* ‘Старый пригорок’, *Щэгъумэ бжъап* ‘Шегумская возвышенность’ и др.

Активно используется у западных адыгов лексема *къушъхъэ* / *къуицъхъэ* зап.-черк. ‘гора’, ‘горы’. На ее основе образованы многие термины: *къушъхъабг* ‘горная цепь’; *къушъхъахъу* ‘горное пастбище’; *къушъхъэ шыгу* ‘вершина горы’; *къушъхъатх* ‘горный хребет’; *къушъхъэ тIуакI* ‘горное ущелье’ и др. В современном кабардино-черкесском языке слово *къуицъхъэ* ‘гора’, ‘горы’ является устаревшим и употребляется главным образом в значении ‘горцы’, ‘жители гор’ как название осетин и балкарцев.

Термин *тхы* ‘возвышенность’, ‘хребет’, ‘гребень горы’ имеет вариант *тхыцIэ* ‘гребень’, ‘верх чего-л.’. На основе этих географических лексем образованы термины *къушъхъатх* ‘горный хребет’; *тхыбжъапэ* ‘край, оконечность хребта’, ‘край гребня’; *тхыпэ* ‘край возвышенности’ и др. С помощью лексемы *тхы* созданы многие оронимы: *Къамылыкъотх* ‘Хребет Камышовой балки’, *Лыгъотх* ‘Опаленный хребет’, *МаркIотх* ‘Ежевичный хребет’, *Сэнэтх* ‘Виноградный хребет’, *Тхымэщ* ‘Хребет, на котором возделывают просо’, *Шытх* ‘Конский хребет’ и т. п.

Следующий термин — *Iуашъхъэ* / *Iуаицъхъэ* ‘курган’, ‘холм, пригорок’, ср. убых. *кIуашъхъа* ‘гора’, абаз. *къваивхIа* ‘курган’ от адыг. *Iуашъхъэ* / *Iуаицъхъэ* [Берсиров, Берсирова 2018: 179; Ионова 1993: 10]. В современном адыгском языке слово *Iуашъхъэ* чаще всего употребляется в значениях ‘курган’, ‘могильный холм’: *Мыекъопэ Iуашъхъэ* ‘Майкопский курган’, *Улапэ Iуашъхъэхэр* ‘Уляпские курганы’, *Iуашъхъэ бын* ‘Семья курганов’, *Iуашъхъэ зэшибл* ‘Семь курганов-братьев’ и т. п. Древние топонимы, однако, свидетельствуют о том, что в прошлом слово *Iуашъхъэ* / *Iуаицъхъэ* использовалось также в значениях ‘гора’, ‘высокая гора’, ‘вершина’, ср. названия *Ioшъхъэмаф* / *Iуаицъхъэмахуэ* ‘Гора счастья’ (г. Эльбрус), *Ioшъхъитф* / *Iуаицъхъитху* ‘Пять гор’ (г. Бештау) и др. Термин *Iуашъхъэ* / *Iуаицъхъэ*, как правило, применяется при образовании названия горы в каком-то роде примечательной, имеющей, возможно, сакральное или магическое значение. На это указывает и этимология слова *Iуашъхъэ* / *Iуаицъхъэ*, первая часть которого — *Iуа* — восходит к глаголу *Iуэн* ‘говорить’, ‘клясться’, употребляемом в устойчивом выражении *тхъэIуэн* ‘клясться’, ‘божиться’ (< *тхъэ* ‘бог’ + *Iуэн* ‘клясться’) [см.: Шагиров 2: 159], т. е. объект осмысляется как «гора клятвы», «гора, на которой произносятся важные речи». Ср. в связи с этим эпические оронимы *Хъарамэ Iуашъхъэ*

‘Харама-гора’ — традиционное место встречи и богатырских состязаний нартов, *Сэбэр Ыуашъхь* ‘Собер-гора’ — место, где, по преданию, раз в год, в январе, собирались маги, колдуны и ведьмы, чтобы «распределить» все важные события нового года.

Актуальной для настоящего исследования является возможность прояснить контекст употребления единиц ландшафтной терминологии (ситуативный, этнокультурный), а также лексическое окружение того или иного ландшафтного термина или топонима. К примеру, ввод термина *Ыуашъхьэ* ‘курган’, ‘холм’, ‘гора’, самого частотного в нартских текстах и песнях времен Кавказской войны [АП], показывает, что это слово чаще всего употребляется в значениях ‘курган’, ‘могильный холм’. Среди примеров были известные нам названия курганов: *Колэсыжъ иЫуашъхь*, *Ошъадэ иЫуашъхь*, *Чэмыдэжъ иЫуашъхь* и др. Ценными в рамках корпусных исследований оказались возможности уточнения локализации географических объектов и получение описаний мест их расположения: «Ошъадэ иЫуашъхь аЮу Мыекъуапэ чылашъхьэм иI...» <*Ошада курган* называемый на восточной стороне Майкопа находится...>; «Колэс иЫуашъхь, Чэмыдэ иЫуашъхь Улэ Ыушъо Ыутых...» <И Колеса курган, и Чемида курган у реки Уль стоят...>; «Къожэубэ иЫуашъхь аЮу джыри Лэбэ бжъапэ тет...» <Кожеуба курган — под таким названием и поныне на высоком берегу реки Лаба стоит...> [АК].

С помощью корпусного метода в фольклорных текстах обнаружены также ранее не встречавшиеся нам названия курганов: *Чэчанэ иЫуашъхь* ‘Чачана курган’ («Гъуагъо мзэЫушъо» <у края леса Гуаг>) [АК]. *Чэсэгъу иЫуашъхь* ‘Чесегу курган’ (в окрестностях Анапы) и др., а также названия наиболее известных рек: *Афипс*, *Лабэ*, *Пшыз*, *Пшыщэ*, *Улэ*, *Шъхъагуащэ*.

Поиск в фольклорном подкорпусе позволил также выявить те или иные терминологические сочетания, включающие компонент *Ыуашъхьэ*, например *Юшъхьэ шыгу* ‘вершина кургана, горы’, *Юшъхьэ лъапсэ / Ыуащъхь лъапэ* ‘подножие кургана, горы’, *Ыуащъхь къуагъ* ‘пространство позади кургана’: «Саусырыкъо Юшъхьэ лъапсэм агъэуцу, ежьыхэр ышыгу тетхэу чанцэрэхъэр къырагъэчыхышъ...» <Саусырыко поставили у подножия горы, а сами [соперники], стоя на вершине, спустили [оттуда] колесо чанщерех>⁶; «Уэ си анэш егъур Ыуащъхь къуагъ мыгъуэм фыкъысхукъуоплъ» <О, моя враждебная родня по матери, вы из-за кургана за мной следите> [АП: 115].

⁶ *Чанщерех* (зап.-черк. *чаницэрэхъ*, *джанкуицэрэхъ*, каб. *жаниэрхъ*) — огромное железное колесо с острыми выступами, атрибут состязаний нартских богатырей [Мыжей, Пашты 2012: 156, 269, 343].

При описании мест расположения курганов встречается термин *Иушъу / Иуфэ*, который в словарях толкуется как ‘побережье’ или ‘берег’, ‘прибрежье’, ‘край’, ‘крайняя часть чего-л.’. По номинациям *мэзИушъо* ‘край леса’, *Улэ Иушъо* ‘прибрежье (долина) р. Уль’, ‘у р. Уль’ мы видим, что с помощью термина *Иушъу / Иуфэ* всегда подчеркивается, что имеется в виду низменный берег, низина в противоположность высокому берегу — *бжъапэ, нэпкъ*. Выражение «Лэбэ бжъапэ тет» <На высоком берегу р. Лаба стоит> заставляет нас уточнить спектр значений термина *бжъап / бжъэпэ*, которое в основном толкуется как ‘возвышенность’, ‘пригорок’ [ТСАЯ: 20; Коков 1974: 19; Меретуков 2003: 60], каб.-черк. ‘обрыв’, ‘круча’, ‘край чего-л.’ [СКЧЯ: 46], ‘выступ возвышенности’, ‘взгорье’ [Шагиров 2: 89]: данный термин может означать также ‘высокий берег реки’ и ‘отрог’ (ответвление основной горной цепи).

Результаты поиска подтвердили наш тезис о том, что термин *Иуашъхэ* ‘курган’, ‘гора’ имел ранее сакральное или магическое значение. В тексте, где рассказывается о том, что герой присел отдохнуть на курган Ерикшауа («Ерыкъышъау иИуашъхэ зыфиГорэм зыцигъэпсэфынэу тетЫсхъагъ...») [АК]), дается пояснение: «НахыпэмкIэ цIыфхэм яхэбзагъ ащ фэдэ Иошъхэ цIэрыIохэм зыщагъэпсэфынэу» <Раньше у людей был такой обычай отдыхать на таких известных курганах>...» [АК]. В другом примере говорится: «Нарт Хъудымыж Пщыщэ Иушъо, Иошъхъаныкъо ыльапсэ чыыеу щылъызэ, Саусырыкъо шъхъарыхъагъ» <Когда нарт Худимиж в прибрежье реки Пшиш, у кургана Ошхануко⁷ спал, к нему подошел Саусуруко> [АК]. На запрос термина *Иуашъхэ* корпус выдал также несколько результатов с упоминанием горы *Иошъхэмафэ / Иуэцхэмахуэ (Ошхамафэ / Ошхамахо*⁸ — адыгское название г. Эльбрус) в мифоэпическом контексте. Так, гора Эльбрус (наряду с Харама-горой) почиталась адыгами как сакральное пространство, нахождение в котором имело живительную силу: «Анахъэу нартхэр зижьырэ зипсырэ фэдэ щымыIэу Иошъхэмафэ, Хъарам Иошъхэ лъагэ ятесыпIэу, язекIуапIэу зэрэщытыгъэм, аныбжьыхэр илъгэс заулэ кIыхэ ешыкIэ зи фэмыIуагъ плонэу щыт» <Несомненно, что у нартов, чье место пребывания и чьи пути находились на горе Ошхамафэ и Харама-горе, где были превосходными воздух и вода, жизнь продлевалась на несколько лет> [АК]. Персонаж эпоса «Нарты», герой Шауай, вырос на горе Ошхамафэ, куда его мать Сэтэнай отнесла младенца сразу после рождения, чтобы он питался целебной водой ледников: «Сэтэнае сабый къэхъугъакIэр ышти, Иошъхэмафэ дихъыагъ. Мыл тIуакIэм дильхыи къыгъэзэжьыгъ» <Сэтэнай, взяв новорожденного ребенка, подняла

⁷ *Ошхануко* — букв. «Половинчатый курган».

⁸ *Ошхамафэ / Ошхамахо* — букв. «Гора счастья»

его на Ошхамафэ, положила его в расщелину ледника и вернулась» [АК]. Позже, когда герой вырос, он просил отца отпустить его с нартами на охоту, чтобы испытать свою силу. «Шъэуае <...> ятэ дэж къэкложьи рилуагъ: “Тят, сэ лошъхэмафэ сызфыщаплугъэр тищау сыдэсэу къэтымэ сяонэу арэп”» <Шауай пришел к отцу и сказал ему: «Отец, меня воспитали на Ошхамафэ не для того, чтобы я сидел в нашем дворе, гоняя кур»> [АК]. Таким образом, в представлениях адыгов, гора Ошхамафэ (Эльбрус) являлась источником чудесной силы для эпических героев.

В современных словарях понятия «родина», «страна» и «старая родина» отражены следующим образом: *хэку* ‘область’ [ТСАЯ: 608], ‘обиталище’, ‘родина’, ‘край’ [Коков 1974: 28], каб.-черк. ‘страна’, ‘государство’, ‘родина’, ‘отечество’ [СКЧЯ: 681–682], *хэкужь* / *хэкужь* ‘руины’, ‘прародина’ [ТСАЯ: 608], ‘старая обитель’, ‘прежнее место жительства’, ‘прародина’, ‘селище’, ‘пепелище’ [Коков 1974: 28–29], ‘родина’, ‘отечество’, ‘заброшенная, покинутая территория’ [СКЧЯ: 682].

Все указанные значения слова *хэку(жь)* употребительны также в вернакулярных фольклорно-речевых практиках зарубежной диаспоры. Например, образовавшийся в середине XIX в. в результате окончания Кавказской войны и Стамбульского исхода анклав Узун-Яйла⁹ нередко обозначается носителями традиции как *Хэку* (‘родина’, ‘Черкесия’), *Хэку Цыклу* (‘Малая Черкесия’) или *Къэбэрдей* (‘Кабарда’). Аналогичным образом черкесский анклав близ турецкого города Гёксун (провинция Кахраманмараш) обозначается в вернакулярных речевых практиках диаспоры историческим названием *Г’ылахъстэней* (‘Гиляхстаней’)¹⁰.

Это типичные примеры того, как в местной народной географии структурируется параллельный (наряду с официальным турецкоязычным) исконный адыгоязычный топонимикон. Каким же образом давались исконные названия населенным пунктам, образовавшимся в результате большой волны миграций в ходе названных исторических событий? Самые распространенные случаи — это именование по фамилии владельца, как это было на исторической родине (и тем самым сохранение старого исторического ойконима), или же по фамилии (редко по имени) основателя села на новой территории. Например, от фамилии первостепенных кабардинских дворян

⁹ *Узун-Яйла* — изначально тюркоязычный ороним (букв. «Длинное плато»), именующий большое плато в Центральной Анатолии, расположенное на высоте 1 500 м над уровнем моря. Более чем за полтора века проживания здесь черкесов этот топоним стал в восприятии диаспоры культурно-ландшафтным термином.

¹⁰ *Кабарда* и *Гиляхстаней* — названия провинций исторической Черкесии. Это княжества, обозначавшиеся в русских документах как *Большая Кабарда* и *Малая Кабарда*.

Анзоровых — *Анзор(хэ)* — путем присоединения топоформанта *-ей* образовано название их родового селения *Анзорей* (*Kaftangien* в официальном турецкоязычном варианте). По этой же модели образован ойконим *Хьэт Iохъуцъыкъуей* (*Атажукино*) — название многочисленных черкесских селений, принадлежавших княжеской фамилии Атажукиных¹¹: как в метрополии, так и в черкесских анклавах Турции есть несколько селений под этим названием. Различаются они по расположению относительно реки или по «старшинству» в плане хронологии заселения новых территорий: *Хьэт Iохъуцъыкъуеижь* — *Старое Атажукино* (тур. *Yahyabeu*), *Хьэт Iохъуцъыкъуей ЦIыкIу* — *Малое Атажукино* (тур. *Üçrinar*), *Хьэт Iохъуцъыкъуей Ипцэ* — *Верхнее Атажукино*, *Хьэт Iохъуцъыкъуей Ицхъэрэ* — *Северное* (или *Нижнее*) *Атажукино* [Паштова 2020: 133, 188].

Перенос исконных ойконимов и катойконимов на неофициальную (фольклорно-ландшафтную) адыгоязычную карту в диаспоре — типичное явление. Они встроены в структуру исторических преданий, рассказов о переселении, меморатов — в этих жанровых рамках они являются одним из ключевых текстообразующих элементов. Этнокультурный контекст употребления исконных ойконимов выявляет представление носителей традиции о престижности того или иного топонима: в целом употребление в повседневной речи исконных названий расценивается как особое социальное знание, связанное с этнокультурной идентичностью.

Заключение

Терминология и топонимикон фольклорного ландшафта являются проекцией реальных географических объектов, тем самым представляя собой ценный источник для изучения универсальных для данного народа моделей словообразования и структурирования пространственных координат. Как мы смогли увидеть, при освоении нового пространства, ландшафтные признаки которого отличаются от традиционной картины, его маркирование происходит по тем же заданным устно-речевой традицией стереотипным моделям.

В свете актуальных задач, стоящих перед комплексными исследованиями текстов языка и фольклора, корпусный метод в числе других возможностей открывает перспективу пополнения лексикографической базы словарей ландшафтной терминологии и исторической топонимии. Фольклорный под-корпус, значительно расширяя общий корпус адыгейского языка, позволяет

¹¹ Мы употребляем название, принятое в русскоязычном дискурсе периода Кавказской войны [АП: 42–49, 96, 572].

более результативно проводить как языковедческие, так и историко-культурологические, лингвофольклористические исследования, а также оперативно пополнять лексикографическую базу ономастических изысканий. Вместе с тем апробирование метода на базе фольклорного подкорпуса адыгейского лингвистического корпуса выявило сложность и специфику работы поисковика, обусловленную полисинтетизмом языка. В то же время метод позволяет успешно выявлять коммуникативный и культурный контекст функционирования искомым единиц, устанавливая значения малоупотребительных и исчезнувших из современного языка ландшафтных терминов и топонимов.

Использование топонимов не только придает убедительность сообщаемой в фольклорном тексте информации, но и создает характерное для локальных нарративов «чувство места». Знание местности, активное использование исконных топонимов и традиционных словообразовательных моделей в повседневных речевых практиках понимается носителями традиции как один из элементов коллективного знания, в том числе исторического.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

абаз.	абазинский язык	каб.-черк.	кабардино-черкесское литературное наречие (= офиц. кабардино-черкесский язык)
абх.-абаз.	языки абхазско-абазинской группы	тем.	темиргоевский (чемгуйский) диалект адыгского языка
зап.-черк.	западно-черкесское литературное наречие (= офиц. адыгейский язык)	убых.	убыхский язык
каб.	кабардинский язык	шапс.	шапсугский диалект адыгского языка

Источники

- АК — Адыгейский корпус : [сайт]. URL: <http://adyghe.web-corpora.net/> (дата обращения: 03.04.2023).
- АП — Адыгские песни времен Кавказской войны. 2-е изд., доп. Нальчик : Печатный двор, 2014.
- Берсиров Б. М., Берсирова С. А. Убыхско-адыгейско-русский словарь. Майкоп : Паштов З. В., 2018.
- КБС — Кабардино-русский словарь / под общ. ред. Б. М. Карданова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.
- Лопатинский Л. Г. Русско-кабардинский словарь с указателем и краткою грамматикою. Тифлис : Тип. канц. Главноначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1890.
- Лопатинский Л. Г. Русско-кабардинский словарь (черновые материалы) // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. 1891. Вып. 12, отд. 2. С. 1–185.
- Люлье Л. Я. Словарь русско-черкесский с краткою грамматикою. Одесса : Изд-во Гор. тип., 1846.

- Мыжей М.И., Пацты М.М. Адыгэ мифологием и энциклопедие. Мейкыуапэ : Паштов З. В., 2012.
- Ногма Ш. Б. Кабардино-русский словарь (черновые материалы) // Ногма Ш. Б. Филологические труды. Нальчик : Кабард. кн. изд-во, 1956. Т. 1. С. 132–233.
- РАС — Русско-адыгейский словарь / под ред. Х. Д. Водождокова. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960.
- СКЧЯ — Словарь кабардино-черкесского языка. М. : Дигора, 1999.
- ТСАЯ — Толковый словарь адыгейского языка / сост. А. А. Хатанов, З. И. Керашева. Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1960.
- Яковлев Н. Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948.
- Яковлев Н. Ф., Аухамаф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941.

Исследования

- Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Тифлис : Тип. Канцелярии наместника Е. И. В. на Кавказе, 1909. Вып. 40. С. 1–164.
- Джананшиа С. Черкесские дневники. Тбилиси : Кавказский дом, 2007.
- Емыкова Н. Х. Историческая топонимия Западной Черкесии. По материалам русских источников XVIII–XIX вв. Ч. 1 : Абадзехия. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2021.
- Ионова С. Х. Абазинская топонимия. Черкесск : КЧИИФЭ, 1993.
- Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум : Academia, 2006.
- Керашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1957.
- Керашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка // Керашева З. И. Избранные труды и статьи : в 2 т. Майкоп : Адыг. кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 193–334.
- Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М. : Наука, 1973.
- Коков Дж. Н. К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черноморском и Азовском побережьях // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. 1960. Вып. 7. С. 61–71.
- Коков Дж. Н. Кабардинские географические названия. Нальчик : Кабард.-Балк. кн. изд-во, 1966.
- Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик : Эльбрус, 1974.
- Коков Дж. Н. Из адыгской ономастики. Нальчик : Эльбрус, 1983.
- Кумахова З. Ю. Развитие адыгских литературных языков. М. : Наука, 1972.
- Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: черкесами (адиге), абхазцами (азега), и другими смежными с ними // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 4. Тифлис : Тип. канц. наместника Кавказского, 1857. Отд. 1. С. 173–193.
- Меретуков К. Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп : Адыг. отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1981 ; 2-е изд. М. : Прометей, 1990 ; 3-е изд. Майкоп : Качество, 2003.
- Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик : Эльбрус, 1994.
- Паитова М. М. Фольклор черкесской диаспоры: локальная традиция и ее носитель. Майкоп : Паштов З. В., 2020.
- Топчу (Паицу) М. Состояние и перспективы изучения родного языка в черкесской диаспоре Турции // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных

- исследований им. Т. Керашева. 2017. № 12 (36). Спецвыпуск : Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры : материалы II Междунар. науч. конф. памяти М. И. Мижаяева (Майкоп, 17–19 мая 2017 г.). С. 147–153.
- Унаркова Р. Б., Унаркова Ф. Д. Ономастикон адыгских современных песен-сетований // Проблемы общей и адыгской ономастики : материалы X Междунар. науч. конф. / отв. ред. Р. Ю. Намитокова. Майкоп : Изд-во АГУ, 2016. С. 231–235.
- Хотко С. Х. Открытие Черкесии: картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2015.
- Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков : в 2 т. М. : Наука, 1977.

References

- Dzhanashia, S. (2007). *Cherkesskie dnevniki* [Circassian Diaries]. Tbilisi: Kavkazskii dom.
- Emykova, N. Kh. (2021). *Istoricheskaia toponimiia Zapadnoi Cherkesii. Po materialam russkikh istochnikov XVIII–XIX vv. Ch. 1: Abadzekhiia* [Historical Toponymy of Western Circassia. Based on Materials from Russian Sources of the 18th–19th Centuries. Pt. 1: Abadzekhia]. Maykop: Poligraf-YuG.
- Gan, K. F. (1909). Опыт об"яснения кавказских географических названий [Explaining Caucasian Geographical Names]. In *Sbornik materialov po opisaniiu mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of Materials on the Description of Localities and Tribes of the Caucasus] (Iss. 40, pp. 1–164). Tiflis: Tip. Kantseliarii namestnika E. I. V. na Kavkaze.
- Ionova, S. Kh. (1993). *Abazinskaia toponimiia* [Abaza Toponymy]. Cherkessk: KChIIFE.
- Kerasheva, Z. I. (1957). *Osobennosti shapsugskogo dialekta adygeiskogo iazyka* [Features of the Shapsug Dialect of the Adyghe Language]. Maykop: Adygeiskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Kerasheva, Z. I. (1995). *Izbrannye trudy i stat'i* [Selected Works and Papers] (Vol. 1). Maykop: Adygeiskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Khotko, S. Kh. (2015). *Otkrytie Cherkesii: kartograficheskie istochniki XIV–XIX vv* [Discovery of Circassia: Cartographic Sources of the 14th–19th Centuries]. Maykop: Poligraf-YuG.
- Kobychev, V. P. (1973). *V poiskakh prarodiny slavian* [In Search of the Ancestral Home of the Slavs]. Moscow: Nauka.
- Kokov, Dzh. N. (1960). К постановке вопроса о черкесской топонимике на Черноморском и Азовском побереж'ях [On the Problem of Circassian Toponymy on the Black Sea and Azov Sea Coasts]. *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*, 7, 61–71.
- Kokov, Dzh. N. (1966). *Kabardinskie geograficheskie nazvaniia* [Kabardian Geographical Names]. Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Kokov, Dzh. N. (1974). *Adygskaia (cherkesskaia) toponimiia* [Adyghe (Circassian) Toponymy]. Nalchik: Elbrus.
- Kokov, Dzh. N. (1983). *Iz adygskoii onomastiki* [From Adyghe Onomastics]. Nalchik: Elbrus.
- Kumakhova, Z. Yu. (1972). *Razvitie adygskikh literaturnykh iazykov* [Development of Circassian Literary Languages]. Moscow: Nauka.
- Kvarchiya, V. E. (2006). *Istoricheskaia i sovremennaia toponimiia Abkhazii (Istoriko-etimologicheskoe issledovanie)* [Historical and Modern Toponymy of Abkhazia (Historical and Etymological Research)]. Sukhum: Academia.
- Lyulye, L. Ya. (1857). Obschii vzgliad na strany, zanimayemye gorskimi narodami, nazyvaemymi: cherkesami (adyge), abkhaztsami (azega), i drugimi smezhnymi s nimi [Countries Inhabited by Mountain Peoples Called Circassians (Adyghe), Abkhazians (Azega), and Others Adjacent

- to Them]. In *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* (Vol. 4, Pt. 1, pp. 173–193). Tiflis: Tip. kantseliarii namestnika Kavkazskogo.
- Meretukov, K. Kh. (1981). *Adygeiskii toponimicheskii slovar'* [Adyghe Toponymic Dictionary]. Maykop: Adygeiskoe otделение Krasnodarskogo knizhnogo izdatelstva.
- Nogmov, Sh. B. (1994). *Istoriia adygheiskogo Naroda* [History of the Adyghe People]. Nalchik: Elbrus.
- Pashtova, M. M. (2020). *Fol'klor cherkesskoi diaspory: lokal'naia traditsiia i ee nositel'* [Folklore of the Circassian Diaspora: Local Tradition and its Bearers]. Maykop: Pashtov Z. V.
- Shagirov, A. K. (1977). *Etimologicheskii slovar' adygsikh (cherkessikh) iazykov* [Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) Languages] (Vols. 1–2). Moscow: Nauka.
- Topchu (Papshu), M. (2017). Sostoianie i perspektivy izucheniia rodnogo iazyka v cherkesskoi diaspore Turtsii [The State and Prospects of Studying the Native Language in the Circassian Diaspora of Turkey]. *Vestnik nauki Adygeiskogo respublikanskogo instituta gumanitarnykh issledovaniim. T. Kerasheva*, 12(36), 147–153.
- Unarokova, R. B., & Unarokova, F. D. (2016). Onomastikon adygsikh sovremennykh pesen-setovaniim [Onomasticon of Modern Adyghe Lament Songs]. In R. Yu. Namitokova (Ed.), *Problemy obshchei i adygskoi onomastiki: materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Problems of General and Adyghe Onomastics: Proceedings of the 10th International Conference] (pp. 231–235). Maykop: Izd-vo AGU.